

Манаков Павел Владимирович

НАЗНАЧЕНИЕ ГЕНЕРАЛА П. Д. ЦИЦИАНОВА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ НА КАВКАЗЕ (1802 Г.) В КОНТЕКСТЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБСТАНОВКИ И ЕЕ ВИДЕНИЯ ВЫСШЕЙ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТЬЮ

В статье анализируются обстоятельства назначения главнокомандующим на Кавказе ген. П. Д. Цицианова, обусловленные как традициями кадровой политики российского правительства, так и особенностями региональной обстановки и представлениями о ней императора Александра I. В данной связи исследуются значимые нюансы российско-горского взаимодействия, имевшие место ко времени назначения на Кавказ П. Д. Цицианова, и впервые проводится анализ предписаний, данных ему высшей властью. Делается вывод, что развернутых инструкций относительно действий на Северном Кавказе П. Д. Цицианов из Петербурга не получил.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/11/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(85) С. 111-115. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

взаимодействий. Игровая интерпретация выходит за рамки привычных категорий, ведя диалог в виртуальном пространстве. Весь полученный опыт будет целиком зависеть от индивидуального подхода и личности игрока. Категория времени становится главным средством передачи заложенного смысла, являясь как инструментом, так и элементом игрового процесса, своего рода «чистым опытом», передаваемым через ощущения, не существовавшим до этого в сфере видеоигровых развлечений. Смысл игры теперь не заключен в самой игре, а выражается через неё и через того, кто в неё играет. Блоу произвел деконструкцию двухмерного платформера, перевернув его классическую концепцию. В рамках видеоигры подобное случилось впервые и изменило облик игровой индустрии XXI века, а ее автор стал пионером, изменившим взгляд на компьютерные развлечения. Он создал собственный уникальный язык повествования, переплетающийся с игровым процессом, невозможным в других видах искусства. Таким образом, не только невозможно «понять игру» вне опыта игры в неё, но и сама игра – это только часть настоящего опыта, играющего в неё.

Список источников

1. **Время** [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия. URL: <http://bse.sci-lib.com/article006993.html> (дата обращения: 19.09.2017).
2. **Кондратенко Ю. А.** Философии искусства и проблема интерпретации реальности в художественных практиках XX века // Гуманитарные науки и образование. 2010. № 3 (3). С. 49-51.
3. **Хёйзинга Й.** Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
4. **Burdick A.** Time Is Contagious. How to Control the Subjective Experience of Time [Электронный ресурс]. URL: <http://nautil.us/issue/45/power/time-is-contagious> (дата обращения: 26.09.2017).
5. **Rodgers S.** Level Up! The Guide to Great Video Game Design. N. Y.: Wiley, 2014. 552 p.
6. **Schell J.** The Art of Game Design: A Book of Lenses. Florida: CRC Press, 2008. 520 p.
7. **Swink S.** Game Feel: A Game Designer's Guide to Virtual Sensation. Florida: CRC Press, 2008. 376 p.

INTEGRATION OF THE CATEGORY "TIME" INTO THE CONTEXT OF PLOT AND MECHANICS OF THE VIDEO GAME "BRAID"

Lapshin Pavel Viktorovich

*National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
pavlapsh@gmail.com*

In the article the video game "Braid" and the means of its artistic expressiveness are considered from the point of view of art criticism. The author's attention is drawn to the category "time" in the space of the game. Time is examined as a structure independently integrated into the context of the setting, plot and game mechanics. An analysis is carried out from the point of view of game design, which allows showing how a philosophical category becomes a means of translating postmodern meanings and senses, being at the same time an instrument, an element and a direct participant of the game process.

Key words and phrases: game; video game; "Braid"; time; plot; game design; art.

УДК 94(571)

Исторические науки и археология

В статье анализируются обстоятельства назначения главнокомандующим на Кавказе ген. П. Д. Цицианова, обусловленные как традициями кадровой политики российского правительства, так и особенностями региональной обстановки и представлениями о ней императора Александра I. В данной связи исследуются значимые нюансы российско-горского взаимодействия, имевшие место ко времени назначения на Кавказ П. Д. Цицианова, и впервые проводится анализ предписаний, данных ему высшей властью. Делается вывод, что развернутых инструкций относительно действий на Северном Кавказе П. Д. Цицианов из Петербурга не получил.

Ключевые слова и фразы: российско-горское взаимодействие; подданнические присяги; набеговая экспансия; исламизация горцев; интегрирование горцев в российскую государственную систему; российский Северный Кавказ.

Манаков Павел Владимирович

*Армавирский государственный педагогический университет
pv-manakov@mail.ru*

НАЗНАЧЕНИЕ ГЕНЕРАЛА П. Д. ЦИЦИАНОВА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ НА КАВКАЗЕ (1802 Г.) В КОНТЕКСТЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБСТАНОВКИ И ЕЕ ВИДЕНИЯ ВЫСШЕЙ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТЬЮ

Проблемы российско-горского взаимодействия остаются весьма дискуссионными в современной кавказоведческой историографии. Объективно опыт их анализа основывается и на применении «наработок» советского

времени, когда социокультурные реалии горских позднесредневековых сообществ порой слишком категорично встраивались в рамки феодальной формации, а действия России в регионе характеризовались в качестве «колониальной политики», и на нынешних подходах, которые местами предполагают причудливое совмещение позиций из арсенала формационной теории и «новомодного» цивилизационного подхода.

В последние годы усилилось исследовательское внимание к роли личностей, являвшихся «знаковыми» для процесса российско-горского взаимодействия, в том числе к «историческим персоналиям» – проводникам российской политики на Кавказе в XVIII-XIX веков. Это не означает общей тенденции к комплементарному освещению деятельности русских генералов, которым нередко доставались весьма нелестные оценки от кавказоведов советской поры, особенно согласно представлениям периода доминирования концепции «абсолютного зла» в трактовке последствий присоединения к России нерусских народов (20-30-е гг. XX века). В понимании ряда современных чеченских, дагестанских, кабардинских, адыгейских кавказоведов оценка проводников политики России в регионе по-прежнему исходит из именованной этой политики захватнической и колониальной (при наличии, правда, и определенных «подвижек» в сторону аналитического ее переосмысления) [4], и это имеет значение при трактовках деятельности таких «знаковых» фигур российской военной администрации, как, например, П. Д. Цицианов и А. П. Ермолов [5; 6].

Вместе с тем в современных условиях плюрализма трактовок характера, сущности и меры обусловленности политики России на Кавказе увидели свет работы (в том числе диссертации), в которых иначе преподносятся и деятельность представителей российской военной администрации, и сама специфика длительного, «многофакторного» и противоречивого процесса складывания российского Северного Кавказа [9-11; 13].

Среди представителей российского командования на Кавказе явно выделяется фигура князя П. Д. Цицианова, бывшего главнокомандующим в Грузии (на Кавказе) в 1802-1806 гг. вплоть до своей трагической гибели. Тем более что еще более заметный (а для кого-то, по-прежнему, одиозный) деятель российского командования на Кавказе – ген. А. П. Ермолов – называл себя преемником цициановского курса. Заметим здесь, что это ермоловское утверждение было несколько декларативным и не вполне учитывало совокупность изменений, произошедших на Кавказе за то десятилетие, которое отделяло время цициановского командования от назначения на Кавказ А. П. Ермолова (1816).

Генерал Павел Дмитриевич Цицианов был назначен инспектором Кавказской линии и главнокомандующим в Грузии в сентябре 1802 г., то есть когда политика России на Кавказе начинала претерпевать изменения в связи с фактором присоединения к империи Восточной Грузии, который предопределил «тыловое положение» весьма беспокойных, «ветреных», как выражались тогда российские администраторы, северокавказских горских подданных. Распространение российских владений на часть территории Южного Кавказа обозначило на перспективу все меньшую приемлемость для русских властей таких проявлений горской «традиционности», как набеговая экспансия, работоторговля, хроническое несоблюдение взятых, согласно подданическим присягам, обязательств. В изменившейся внешнеполитической ситуации вокруг Северного Кавказа, в условиях завершавшейся у большинства народов региона исламизации ранее относительно эффективная, насыщенная во второй половине XVIII века рядом «интегративных проектов» по постепенному и ненасильственному интегрированию горцев в российскую государственную систему [3, с. 56-88] политика «ласканий» к началу XIX века стала исчерпывать свой позитивный потенциал. Складывались общие контуры того явления, которое в историографической традиции зачастую именуется не вполне, на наш взгляд, оптимальным понятийно-терминологическим определением «Кавказская война», к которому неизбежны вопросы и по определению «нижней» хронологической границы, и по смысловому наполнению [8].

Именно в данных условиях состоялось назначение на Кавказ генерала П. Д. Цицианова. Некоторые его аспекты были приведены еще в первом томе «Кавказской войны» В. А. Потто [14, с. 303-304]. Намного более обстоятельно и аналитично они изложены в книге современного кавказоведа В. В. Лапина «Цицианов» [12]. Очевидно, что назначение на высокую военно-административную должность, тем более, в столь проблемном, как Кавказ, регионе, невозможно без предшествующего управленческого опыта. В данном контексте В. В. Лапин акцентирует внимание на том, что своеобразной школой для ряда будущих крупных управленцев было командование полком, с присущими данным обязанностям самыми разнообразными полномочиями и функциями, как прописанными в законах, так и совершаемыми «в инициативном порядке». В феврале 1786 г. П. Д. Цицианов получил звание полковника и был назначен командиром Санкт-Петербургского гренадерского полка. В этой должности он столкнулся с необходимостью решения разнообразных проблем не только хозяйственно-экономического обеспечения вверенной части (что нередко и решалось тогда в том самом инициативном порядке), но и налаживания приемлемых отношений с тем населением, на которое возлагалось бремя постоя солдат полка. Примечательно, что в тогдашних условиях отсутствия казарменного содержания большей части воинских частей разнообразные злоупотребления солдат по отношению к обывателям были практически нормой. Полковник П. Д. Цицианов стремился преодолеть эту тенденцию, особенно когда его полк бывал «расквартирован» в тех иноэтничных регионах империи, где лояльность населения к российской власти во многом определялась манерой поведения военных [Там же, с. 33-40]. Данная практика весьма пригодится ему в период командования на Кавказе.

Заметим при этом, что к моменту назначения П. Д. Цицианова российские военные контингенты не стояли постоем в селениях горских народов, хотя бы уже потому, что постоянного военного присутствия южнее Кавказской линии не существовало в условиях весьма специфичного российского подданства горских народов Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Вместе с тем периодические «введения» российских полков для стабилизации обстановки в ту же Кабарду имели место на протяжении последней четверти XVIII века. И в данном контексте накапливаемый П. Д. Цициановым опыт поддержания порядка представляется значимым.

Как и немалое количество других офицеров, отличившихся при Екатерине II, П. Д. Цицианов провел правление Павла I в отставке [14, с. 303]. Его деятельное участие в Персидском походе 1796 г., как представляется, прибавило П. Д. Цицианову шансов не попасть в «фавор» к новому императору. И, как и многие другие, Павел Дмитриевич был возвращен на службу с восшествием на престол Александра I [Там же].

Императорским указом от 11 сентября 1802 г. П. Д. Цицианов был назначен главнокомандующим в Грузии и инспектором Кавказской линии. Так как в то время (да и на современном этапе) кадровые назначения делались довольно келейно, конкретные обстоятельства обретения П. Д. Цициановым новой должности проследить сложно. Вместе с тем можно выделить ряд факторов и обстоятельств, с высокой долей вероятности на него повлиявших.

П. Д. Цицианов был боевым генералом, активным и проявившим себя участником нескольких военных кампаний, заслужившим в свое время похвалы А. В. Суворова и Екатерины II, кавалером орденов Святого Георгия и Святого Владимира. Имел он и некоторый «кавказский опыт» – участие в Персидском походе 1796 г., в ходе которого проявил знание региона и организаторские способности. Имела значение и успешная деятельность П. Д. Цицианова в должности командира полка, ведь многие зарекомендовавшие себя полковые командиры тогда вполне претендовали на занятие губернаторских постов. Свою роль могло сыграть пребывание П. Д. Цицианова в составе Государственного Совета в 1801-1802 гг., хоть и стоит признать, что данные обязанности не соответствовали особенностям его личных качеств [12, с. 177].

Нельзя не отметить фактор связей П. Д. Цицианова «в верхах». Уже с 1780-х гг. его можно назвать членом клана Воронцовых. Уже в царствование Александра I он заручился поддержкой и покровительством А. А. Чарторыйского и В. П. Кочубея – «молодых друзей» не менее молодого императора, имевших на последнего немалое влияние в первые годы правления. При этом сохранялись связи с С. Р. и А. Р. Воронцовыми. Обращает на себя внимание то, что все перечисленные государственные и придворные деятели являлись масонами. Принадлежность самого П. Д. Цицианова к масонам не подтверждена. Однако версия «масонской поддержки» не является бесспорной хотя бы уже потому, что масоном был и явный недоброжелатель П. Д. Цицианова – генерал граф И. В. Гудович. А вот то, что тот же Адам Чарторыйский был в 1802 г. товарищем министра иностранных дел (а в 1804 г. – уже министром), сбрасывать со счетов нельзя.

Таким образом, П. Д. Цицианов являлся представителем влиятельной придворной партии, заручившимся поддержкой как «молодых друзей», так и части екатерининской знати. Его грузинские корни, пребывание в родстве с династией Багратидов тоже выглядят совсем не лишними в контексте соответствующего назначения [Там же, с. 177, 178, 180, 186].

Весьма любопытно, что рескрипт Александра I, адресованный П. Д. Цицианову, последовал еще 8 сентября 1802 г., то есть формально до его назначения на должность (11 сентября). Это может свидетельствовать о «проработанности» решения высших властей, равно как и о том, что последние стремились как можно раньше снабдить П. Д. Цицианова надлежащими инструкциями. Инструкции эти большей частью касались проблем интегрирования Восточной Грузии в состав российского государства. Однако «география» цициановских полномочий в совокупности с взаимосвязанностью закавказских и северокавказских проблем обусловили предписание, касавшиеся непосредственно ситуации на Кавказской линии.

Как известно, набеговая экспансия горцев, получившая к тому же исламскую идейную освященность, значительно осложняла обстановку в регионе, в том числе в контексте ставших за XVIII век традиционными грабительских нападений горцев Дагестана на Восточную Грузию. Высказанное в рескрипте от 8 сентября высочайшее видение проблемы изживания набегов представляется довольно показательным: «Если свойственно горским народам покушаться на всякие хищничества, то, с другой стороны, по сведениям, довольно достоверным, нельзя оправдать, кажется, и поступков с ними разных чиновников или жителей наших, позволявших нередко отгонять их скот и, делая им и другие притеснения, отвлекавших их от нас и истреблявших всякую доверенность, которая, установясь, может произвести сношения по взаимным надобностям и хищничества если не прекратить, то по крайней мере учинить не столь частыми» [1, с. 9-10].

Несмотря на явную внешнюю привлекательность данного положения рескрипта, обращают на себя внимание нюансы, недостаточно осознаваемые высшей российской властью, далекой от понимания кавказской «органики». Конечно, бесполезно отрицать случившиеся факты неправильных действий и злоупотреблений представителей российских региональных властей, замешанных нередко на том же недопонимании местной специфики. Тем более что подготовленность и качество соответствующих кадров не всегда были на высоте. То, что на уровне высшей власти признавались недочеты и просчеты в действиях своих подчиненных, весьма показательно и может свидетельствовать в пользу поиска российской стороной путей стабилизации обстановки на Северном Кавказе. Косвенно текст рескрипта может свидетельствовать и о том, что введенные при Павле I элементы «гражданского управления» горскими подданными [7, с. 203] не являлись вполне эффективными; в пользу такого утверждения – порицательное упоминание действий «разных чиновников», а не собственно военных администраторов. Заметим, что со стороны горцев признания меры своей ответственности в конфликтных ситуациях с российскими властями практически никогда не наблюдалось, если не брать в расчет формальные и довольно быстро забываемые «раскаяния», выражаемые после очередных экспедиций российских войск, производимых, как правило, в связи с очередными горскими набегами на Кавказскую линию.

Вместе с тем упомянутый в рескрипте отгон скота горцев в большей части случаев являлся составной частью возмещения убытков от горских же набегов и в общих чертах соответствовал местной традиции «барантования». Несколько наивно смотрится и расчет на взаимосвязь (по крайней мере, быструю) между «доверенностью» и сокращением набеговых предприятий горцев. И социализирующие, и промысловые функции набегов в реальности оставляли мало шансов подобному идеализму высокопоставленных столичных обитателей.

Для ослабления давления горцев на Кавказскую линию в рескрипте предписывалось «отвращать между ними всякое единомыслие», воплощение чего оставлялось на усмотрение самого П. Д. Цицианова [1, с. 10]. В. В. Лапин видит в этом практическое применение принципа «разделяй и властвуй» [12, с. 189], с чем нельзя, на наш взгляд, полностью согласиться. Вряд ли старая римская формула вполне подходит к анализу особенностей российско-горского взаимодействия. Ведь к началу XIX века российское подданство народов Центрального и Северо-Восточного Кавказа было весьма формальным, почти лишенным конкретного содержания, и о действительной российской власти над горцами, хотя бы и путем «разделения», говорить не приходилось. А усобиц у них всегда хватало и без российского фактора. Что же до «отвращения единомыслия», то у большинства горцев региона тогда могло формироваться только одно единомыслие – исламски окрашенное. В условиях отсутствия на Северном Кавказе лояльного к России мусульманского духовенства и вполне понятных интересов и действий Османской империи подобное единомыслие горцев было для первой однозначно опасным. Какие-то иные варианты единомыслия просто не соответствуют региональной специфике и продолжавшейся внешнеполитической борьбе за Кавказ.

В данном широком контексте вызывает большие сомнения и утверждение того же В. В. Лапина, что в контексте национальной политики в России в качестве метрополии выступала элита, а все население (то есть вся территория страны) являлось колонией [Там же, с. 42].

Судя по тексту рескрипта, император основное внимание П. Д. Цицианова обращал на разрешение «грузинских проблем», полагая, что обстановка на Кавказской линии достаточно стабильная [Там же, с. 189]. Представляется, что одно только начавшееся в 1799 г. шариатское движение в Кабарде и «хронические» набег на Кавказскую линию со стороны Чечни могут сильно поколебать подобный оптимизм.

Рескрипт от 11 сентября 1802 г. в качестве принципиально важного обстоятельства назначения на Кавказ П. Д. Цицианова позволяет, на наш взгляд, утверждать, что российский главнокомандующий в Грузии не получил сколь-нибудь развернутых и концептуальных инструкций относительно действий во взаимоотношениях с горскими народами Северного Кавказа. Здесь можно вспомнить, что вступивший на престол в конце 1796 г. император Павел I такие инструкции давал в рескрипте тогдашнему военному губернатору Астрахани и командующему Кавказской линией генералу И. В. Гудовичу, и они отражали собственно павловское видение стабилизации обстановки в регионе и перспектив развития российско-горских отношений [2, с. 298; 7, с. 199]. Теперь же, как представляется, фактор необходимости «обустройства» Восточной Грузии в составе Российской империи отодвинул для Петербурга северокавказские проблемы на второй план. Кроме того, высказанные Павлом I подходы к взаимоотношениям с горцами еще продолжали апробироваться, несмотря на изменившиеся условия, что могло привести к представлениям об отсутствии необходимости разработок каких-либо новых положений. Между тем с каждым годом ранее существовавшая система взаимоотношений российских властей с горцами приближалась к тупику, и присоединение к России Восточной Грузии не в последнюю очередь этому способствовало.

Приведенные и проанализированные обстоятельства назначения П. Д. Цицианова главнокомандующим на Кавказе, равно как и факторы развития местной обстановки, являются достаточно важными для исследования деятельности генерала П. Д. Цицианова на Северном Кавказе в контексте дальнейшего осмысления характера, особенностей и динамики развития российско-горского взаимодействия, сложного, длительного и противоречивого процесса интегрирования горцев в российскую государственную систему.

Список источников

1. **Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.** Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. Т. II. 1238 с.
2. **Бутков П. Г.** Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. Ч. 3. 621 с.
3. **Виноградов Б. В.** Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2009. 138 с.
4. **Гапуров Ш. А.** Еще раз к вопросу о присоединении народов Северного Кавказа к России // Материалы II Международного форума историков-кавказоведов (15-16 октября 2014 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. В. В. Черноус. Ростов н/Д: Изд-во Фонда науки и образования, 2014. С. 9-14.
5. **Гапуров Ш. А.** Россия и Чечня в первой четверти XIX в. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 372 с.
6. **Гапуров Ш. А., Абдурахманов Д. Б., Израйилов А. М.** Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 426 с.
7. **Дубровин Н. Ф.** История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.: Типография Департамента уделов, 1886. Т. 3. 325 с.
8. **Дударев С. Л.** К итогам круглого стола «Проблемы Кавказской войны в новейшей литературе» (Ростов-на-Дону, апрель, 2007 г.) // Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы: материалы Межрегиональной научной конференции. Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2008. С. 81-89.
9. **Клычников Ю. Ю.** Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе, 1816-1827: дисс. ... к.и.н. Краснодар, 1998. 197 с.
10. **Кондусов В. С.** Военно-административная и политическая деятельность Е. А. Головина на Кавказе в 1838-1842 гг.: дисс. ... к.и.н. Краснодар, 2017. 207 с.
11. **Лазарян С. С.** Кавказ под управлением князя М. С. Воронцова. 1844-1854 годы: дисс. ... д.и.н. Пятигорск, 2014. 1156 с.
12. **Лапин В. В.** Цицианов. М.: Молодая гвардия, 2011. 542 с.
13. **Муханов В. М.** Генерал-фельдмаршал А. И. Барятинский (жизненный путь, военно-административная и общественная деятельность): дисс. ... к.и.н. М., 2005. 254 с.
14. **Потто В. А.** Кавказская война: в 5-ти т. Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 1. С древнейших времен до Ермолова. 672 с.

**GENERAL P. D. TSITSIANOV'S APPOINTMENT AS COMMANDER-IN-CHIEF
IN THE CAUCASUS REGION (1802) IN THE CONTEXT OF REGIONAL SITUATION
AND ITS VISION BY THE RUSSIAN SUPREME POWER**

Manakov Pavel Vladimirovich
Armavir State Pedagogical University
pv-manakov@mail.ru

The article analyzes the circumstances of General P. D. Tsitsianov's appointment as Commander-in-Chief in the Caucasus region conditioned both by the traditions of Russian government's staff policy and by the peculiarities of regional situation and Emperor Alexander's I vision of it. In this connection the author examines the meaningful nuances of the Russian-Caucasian interaction occurred to the moment of P. D. Tsitsianov's appointment. The paper for the first time analyzes the orders he got from the supreme power and concludes that P. D. Tsitsianov got no detailed instructions from Petersburg concerning the policy in the North Caucasus region.

Key words and phrases: Russian-Caucasian interaction; citizenship oaths; expansion by forays; Caucasians' Islamization; integration of Caucasians into the Russian governmental system; Russian North Caucasus.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье изучены действия противоборствующих сторон по организации и ведению психологической войны и контрпропаганды в ходе битвы за Кавказ в 1942 г. на примере Малгобекской оборонительной операции. Обращается внимание на значение пропаганды и контрпропаганды в условиях военного противостояния на советско-германском фронте в рассматриваемый период. Анализируются действия в рамках психологической войны, направленные как на войска, так и на гражданское население. При этом изучены различные формы ведения пропаганды (радиопередачи, листовки и др.). Особое внимание уделено действиям фронтовых пропагандистов.

Ключевые слова и фразы: Малгобекская операция; битва за Кавказ; психологическая война; пропаганда; агитация; листовки; подрывная работа.

Матиев Тимур Хусенович, к.и.н.

Ингушский государственный университет, г. Магас
tmt_77@list.ru

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА В КАМПАНИИ 1942 Г.
НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ
(НА ПРИМЕРЕ МАЛГОБЕКСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ)**

В ходе боевых действий на советско-германском фронте с первых дней войны обеими сторонами большое внимание уделялось ведению психологической войны. Характеристика начавшегося противостояния между Германией и СССР как идеологического, принимаемая обеими сторонами, обуславливала жестокость и бескомпромиссность этой борьбы. В ней все методы были хороши, и приемы психологической обработки противника – и населения, и войск – были одним из важнейших инструментов.

К осени 1942 г. накал этой борьбы достиг пика. Немецкое наступление, приведшее вермахт к отрогам Большого Кавказа и берегам Волги, поставило под угрозу само существование Советского Союза. Вместо политических и классовых лозунгов все чаще шли в ход простые понятные формулы, такие как «Убей немца» – призыв, почти одновременно прозвучавший в знаменитом стихотворении К. Симонова и статьях И. Эренбурга, определивший отношение советских войск и населения к противнику на втором году войны [1, с. 34].

В свою очередь, нацистская Германия также уделяла огромное внимание ведению психологической войны, делая ставку прежде всего на внесение национальных и иных форм раздора в советское общество [2, с. 223]. Осенью 1942 г. пожар войны перекинулся на многонациональный Северный Кавказ. Противник, в частности, пытался использовать этническую пестроту региона как бомбу, заложенную под обороноспособность СССР. Хорошо это можно проследить на примере Малгобекской оборонительной операции – одного из ключевых моментов битвы за Кавказ и в целом летне-осенней кампании 1942 г. на советско-германском фронте.

Большое внимание уделялось ведению агитации с переднего края, в том числе и на языках народов Кавказа, представители которых, как знала немецкая разведка, воевали в частях, оборонявших Малгобек. Так, например, 16 октября с помощью громкоговорящей автоустановки чинами роты была предпринята попытка обращения на русском, армянском и азербайджанском языках с призывом к сдаче, однако, как отмечается в донесении, «громкости установок не хватило, мембрана вышла из строя, и передачу пришлось прекратить» [11, ф. 983]. Разумеется, такая попытка была не единственной, и вербовка перебежчиков оставалась одним из важнейших направлений деятельности «кавказской роты». В поле деятельности диверсантов был и сбор всех видов разведывательной информации.